

РЕЦЕНЗИИ

О работе И.К.Илишкина "Функционирование калмыцкого литературного языка в условиях развития калмыcko-русского билингвизма" I

В области языкознания есть особая и весьма актуальная проблематика, связанная с задачами исследования взаимодействия языков в условиях языкового контакта. В качестве объекта исследований такого рода может быть избран любой уровень языка — лексика, фонетика, морфология, синтаксис. В представленной монографии И.К.Илишкина "Функционирование калмыцкого литературного языка в условиях развития калмыcko-русского билингвизма" подвергаются сопоставительному изучению все основные аспекты литературного калмыцкого языка в их отношении к аналогичным разделам русского литературного языка.

Диссертация общим объемом 16 авт.л. /328 стр.машинописи/ включает предисловие, вводные разделы /стр.1-33/, список использованной литературы, оглавление /стр.318-328/ и состоит из двух приблизительно равных по объему частей.

Часть I /стр.33-145/ посвящена комплексу вопросов, которые связаны с "общественными функциями калмыцкого языка", с ростом удельного веса литературного калмыцкого языка в советскую эпоху. И.К.Илишкин анализирует реформу письменности, огромную значимость калмыцкого литературного языка в различных областях — в периодической печати, в деле создания учебной литературы, в области оригинальной и переводной художественной литературы, литературы научной и в такой широкой области, как устная форма калмыцкого литературного языка и театр, радио и т.д.

I. Монография была представлена в качестве докторской диссертации.

Многосторонняя роль калмыцкого литературного языка в работе И.К.Илишкина освещена с исчерпывающей полнотой и убедительностью. Вместе с тем "в советскую эпоху в связи с бурным ростом промышленности, сельского хозяйства и расцветом национальной по форме и социалистической по содержанию культуры калмыцкого народа быстро развивается калмыcko-русское двуязычие" (стр.46). От правильного подхода к этому явлению зависит весь дальнейший ход исследования, его целенаправленность, его успешное завершение. Понять и проанализировать "соотношение общественных функций калмыцкого и русского языка" — таков один из главных выводов автора (стр.45). "В народном хозяйстве Калмыцкой АССР трудятся представители более чем восьмидесяти народов и национальностей. Средством общения их на производстве, в учреждениях, учебных заведениях является в основном русский язык" (стр. 46). В этом разделе автор приводит наглядные таблицы, из которых одна дает представление о соотношении функций калмыцкого и русского языков в досоветский период и вторая — в советское время (стр.46—47).

В I-ю часть своей монографии И.К.Илишкин включил также проблемы, связанные с развитием лексического состава, становлением и развитием различных стилей в калмыцком литературном языке и, в заключительных разделах, освещение, теоретическое истолкование различных аспектов двуязычия — в социологическом, психологическом, лингвистическом и педагогическом планах.

Что касается лексики, И.К.Илишкин следующим образом формулирует свое отношение к этому "строительному материалу языка": "Основными факторами, определяющими развитие лексики языка, являются социальные факторы, развитие материальной и духовной культуры общества, а не внутривидовое развитие, как это утверждают представители зарубежного структурализма" (стр.49).

Сжато, но вполне убедительно излагает свой взгляд на лексический состав калмыцкого языка И.К.Илишкин на стр.50—96. Здесь, в частности, отмечается, что

древний лексический пласт образуют слова, унаследованные калмыцким языком от эпохи родового строя до XIII-XIV столетия; многие из этих слов являются общими для всех монгольских групп языков (названия частей тела, термины родства, обозначения природных явлений, признаков предметов, понятия трудовых процессов, например, нога, рука, брат, солнце, вода, горячий, варить, доить) (стр.50). Исходя из этого факта, что в лексике отражается историческое прошлое языка и его настоящее, связанное с развитием экономики, культуры, науки и техники, автор подходит к проблеме заимствований в дооктябрьский период и в советскую эпоху. Он касается вопросов монголо-туркских и монголо-тунгусоманьчжурских лексических связей, а также заимствований из других языков - иранских, санскрита, арабских, греческих и, в связи с распространением буддизма, тибетизмов. "Но все эти заимствования в количественном отношении не идут в сравнение с заимствованиями из русского языка" - "этот процесс продолжается и поныне. Несомненно, он будет развиваться и дальше в связи с бурным ростом социалистической экономики и культуры Калмыкии" (стр.55) - такова точка зрения автора, таковы выводы, вытекающие из его подхода к языку прежде всего как к орудию общения в реальных историко-экономических условиях. Отмечая, что заимствованная лексика приблизительно составляет около 10%, согласно данным русско-калмыцкого словаря, изд. 1964г. под ред. И.К.Илишкина, т.е. около 3000 слов из 30.000, автор характеризует состав заимствованной лексики, выделяя в ней следующие группы: общественно-политическая терминологическая лексика, наименования административных единиц, учреждений и должностей, лексика, связанная с сельско-хозяйственным производством, далее - относящаяся к культуре, просвещению, здравоохранению, науке, средствам связи и транспорта, военной терминологии (стр.67-68). В связи с процессами обогащения словарного запаса калмыцкого языка исследуются также фонетические модификации облика заимствованных слов под влиянием таких фак-

торов калмыцкого языка, как гармония гласных, редукция гласных непервых слогов, субституция в области согласных, формы преодоления несвойственного калмыцкому языку стечения согласных в начале слова и т.д. (ср., напр., калм. пабрик "фабрика", арам "рама" и т.п.). Одновременно автор констатирует воздействие (через проникновение заимствований и владение русским языком) русской фонетической системы на калмыцкую, внедрение словообразовательных элементов (например, суффиксов "ист, изм"), приобретение отчетливых морфологических контуров в таком разряде частей речи как имя прилагательное, употребление инфинитивных форм русского глагола в сочетании со вспомогательным глаголом, например, командировать кех "командировать" наряду с аффиксальными (командлх - "командовать" и т.д.) (стр.90).

Очень интересны положения, в которых И.К.Илишкин излагает свою точку зрения на становление и развитие различных стилей в калмыцком литературном языке в связи с двуязычием. Он выделяет следующие функциональные стили, имеющие разную степень развития: стиль бытового общения, общественно-публицистический, официально деловой, литературно-художественный и учебно-педагогический (стр. III-I25).

Как уже отмечалось ранее, I-я часть диссертации завершается теоретическими обобщениями, вытекающими из особых условий двуязычия в нашей стране. И.К.Илишкин в первую очередь останавливается на проблеме двуязычия в социологическом плане, с точки зрения общественных, экономических и культурных связей. Русский язык в СССР за годы советской власти стал языком межнационального общения. С психологической точки зрения билингвизм подразделяется на несколько подвидов: а) рецептивный, ограниченный возможностью понимания неродной речи; б) репродуктивный, при наличии навыков воспроизводить чужую речь и т.д. С лингвистической точки зрения объектом изучения является выявление сходства и отличий в фонетике и грамматическом строе двух языков, так как при владении и поль-

зовании этими языками у говорящего проявляются факторы интерференции, т.е. взаимодействие структурных элементов одного языка и структурных элементов другого языка. С практической точки зрения важная роль отводится также педагогическому аспекту исследования — методике преподавания обоих языков от начальной школы до ВУЗа включительно. Завершая разбор первой части работы, мне остается добавить, что все основные разделы ее, теоретические предпосылки и выводы опубликованы в работе И.К.Илишкина "Развитие калмыцкого литературного языка в условиях формирования калмыcko-русского двуязычия", в издании Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР, Элиста, 1972 г., объемом 6,3 п.л.

II-я часть работы — Функционирование звукового строя и морфологической системы калмыцкого языка в условиях калмыcko-русского двуязычия — также была опубликована в Элисте в 1973 г. под заглавием "Очерки сопоставительной грамматики русского и калмыцкого языков" (13,5 п.л.). Название опубликованного варианта этой части полностью отражает ее содержание. В ней в строгой последовательности помещены в виде серии очерков или подразделов сопоставительные характеристики отдельных грамматических категорий калмыцкого и русского литературного языков, начиная с обзора частей речи и далее по каждой отдельной части речи: имя существительное, его особенности в обоих языках, категория одушевленности, рода, падежа, числа, склонение, словообразование и т.д. (см. оглавление в работе или содержание в печатном издании). Разделу частей речи предпослан сопоставительный очерк фонетики и орфографии обоих языков.

Если первая часть монографии И.К.Илишкина представляет собой развернутую, глубоко обосновываемую трактовку калмыcko-русского двуязычия в аспекте социально-общественном, то вторая является реализацией лингвистического и педагогического подхода к собственно языковым фактам обоих языков, причем оба подхода неразрывно свя-

заны между собой.

Что касается фонетики, в данной части работы не только сопоставляются составы гласных и согласных и анализируются их различия, но уделяется внимание и таким вопросам как слоговая структура и ударение. Вопрос о слоговой структуре калмыцкого языка привлекает внимание автора не случайно. В связи с редуцией гласных в непервых слогах калмыцкое слово может предстать в виде скопления согласных с одним гласным, ср., например, элсн "песок", элстэ "песчаный", Элстд бээх "жить в Элесте", бадьснд "в городе" и т.п. Эта особенность калмыцкого языка выделяет его не только среди других монгольских языков, но и вообще языков мира (Юшманов). Правда, произношение таких сочетаний облегчается тем обстоятельством, что сонорные согласные — л, р, н являются в калмыцком языке слогообразующими (Рамстедт). Интересны наблюдения И.К.Илишкина, когда он отмечает, что деления слов со скоплением согласных типа те-мд-гл-хш-вди (9 согласных) "не обозначим" или шо-р-һл-жи "муравей" не только затрудняет при усвоении понятия слога, "но и практически не привилось" и "учителя и сейчас избегают вопроса деления слов с безгласными в непервых слогах" (стр.29). Достаточно сложен и вопрос об ударении, которое в русском языке связано с морфологическими изменениями слова (руки — руки), а в калмыцком проблема ударения "была подчинена долготе гласных" (стр.23, изд.1973г.). При заимствованиях из русского языка русские ударные первые слоги произносятся как долгие, подобно тому как это наблюдается в якутском, эвенкийском и многих других алтайских языках. Но ударные гласные непервых слогов русского заимствованного слова в калмыцком произношении уже не воспроизводятся как долгие, хотя и не редуцируются, тогда как безударные редуцируются, т.е. и в этом отношении берет свои права исторически выработавшаяся калмыцкая модель слова. Таким образом, звуковой строй языка сказывается не только в области артикуляционной базы, особенностей речевого уклада при воспроизведении гласных или

согласных фонем, но и в выработанных, сложившихся у носителей языка привычных нормах облика отдельных слов, выступающих как определенный звуковой тип, комплекс.

Что касается разделов собственно грамматических, в качестве образца сопоставительного освещения и анализа можно привести, например, родительный падеж. В русском языке родительный приименной в различных словосочетаниях имеет ряд значений. Прежде всего обычно отмечается родительный принадлежности, например, книга брата. Приводя эту форму в сопоставлении с калмыцкой, И.К.Илишкин приводит ахим дегтр, с отметкой в скобках "книга (моего) брата", так как в смысловом отношении беспритяжательная форма калмыцкого существительного "брат" выглядела бы "искусственной". Остальные значения даны под рубрикой признака предмета - например, родительный отношения (директор совхоза - совхозын директор, родительный носителя признака - вкус винограда - үзмин амтн, родительный объекта - строительство коммунизма - коммунизмн тосхлт). Отмечены также несвойственные калмыцкому языку функции русского родительного падежа как родительный приглагольный в партитивном значении типа "дайте мне молока" при употреблении в калмыцком винительного падежа (нанд үс егтн) или родительный в отрицательных оборотах при именительном в калмыцком (на столе нет ручки - стол деер ручк уга); сюда же родительный при глаголах бояться, остерегаться и т.п., которые в калмыцком управляют формой исходного падежа (теленек испугался (от) машины - туһл машинэс үргв). В диссертации специальное внимание уделено также родительному при числительных типа два стола, пять столов, а также родительному мерн (стакан молока), когда в калмыцком требуется форма именительного падежа. Наконец, незамеченным не остался родительный аблативный в сравнительных конструкциях русского языка, в то время как калмыцкий располагает формой исходного падежа (Волга шире Дона - Ижл Теңгэс ергцр). Последний пример - наличие особых аблативных или элативных падежных форм в калмыцком или эвенкийском и т.д. языках - являет-

оя как бы материальным подтверждением специфики русского родительного падежа – родительного аблативного /Волга от Дона шире/. Сопоставление различного рода словосочетаний, конструкций помогает не только усвоить особенности того или иного изучаемого языка, но и глубже, отчетливее осознать многообразие функций и значений той или иной формы, категории языка русского. Иными словами, сопоставительные штудии имеют не только несценимое научно-практическое значение, но также служат целям общетеоретического характера, в частности, раскрытию так называемых языковых универсалий.

В "Очерках сопоставительной грамматики русского и калмыцкого языков" И.К.Илишкина много поучительного и интересного может почерпнуть не только монголовед, но специалисты по другим языкам, типологически или генетически близким, как например, по таким как тунгусо-маньчжурские или тюркские: в этих языках много общего, хотя, например, только что рассмотренная категория родительного падежа отсутствует в большинстве тунгусо-маньчжурских языков, и функции выражения идеи принадлежности, отношения целого и части и т.д. несут притяжательные конструкции /дом отца – отец дом его, ножка стола – стол ножка его и т.д./. Во многих языках алтайской семьи отсутствует согласование в числе и падеже при склонении прилагательных или числительных с именами существительными, совпадают отрицательные конструкции /на столе нет ручки – на столе ручка нет /–отсутствует/ и т.д. С точки зрения алтаиста не монголоведа не может не обратить на себя внимание тот факт, что анализируя категорию русского и калмыцкого залога, И.К.Илишкин вслед за рассмотрением действительного залога переходит к залогу, отсутствующему в русском языке – а именно залогу побудительному или понудительному, каузативному и т.д. В поисках аналогий в русском глаголе, которые хоть как-нибудь могли бы помочь понять эту специфическую категорию калмыцкого глагола, автор приводит интересные примеры – белеть – белить, чернеть – чернить,

синеть — синить. Для русской грамматики эти примеры не являются категоризальными, но понять специфику побудительного залога они бесспорно помогают. Очень убедительно изложены также значения близких по семантике залогов — взаимного и совместного, по поводу которых И.К.Илишкин не без основания цитирует А.Бобровникова, автора одной из лучших грамматик прошлого столетия — Грамматики монгольско-калмыцкого письменного языка, изданной в Казани в 1849 г.

Следует подчеркнуть, что И.К.Илишкин в своей работе дает возможность оценить тот вклад в области монголоведения в целом и калмыцкого языка в частности, который внесли в эту область нашего востоковедения русские и зарубежные ученые: Вл.Котвич, Г.Рамstedт, Б.Я.Владимирцов, а также целая плеяда советских ученых — представителей монгольских народностей — Г.Д.Санжеев, Т.А.Бертагаев, Д.А.Павлов, Ц.Д.Номинханов, Л.Д.Шагдаров, У.Ш.Дондуков, Б.Б.Бадмаев, А.Ш.Кичиков, Б.Х.Тодаева.

Раскрывая и характеризуюя грамматические категории калмыцкого языка, автор приводит соответствующие примеры на калмыцком и русском языках, схемы, парадигмы склонения и спряжения, перечни соответствующих показателей-суффиксов. Другими словами, работа выполнена на большом фактическом материале, специально подобранном и отрепарированном.

Из замечаний по диссертации, относящихся к положениям, по которым мнения могут не совпадать или которые хотелось бы уточнить, приведу следующие:

I/ В связи с классификацией наречий и говоров монгольского языка, предложенной Б.Я.Владимирцовым, где современный калмыцкий язык представлен в виде подгруппы А. Ойратского наречия, в работе говорится, что "Б.Я.Владимирцов был неправ, считая самостоятельные языки калмыков, бурятов и др. монгольских народов наречиями монгольского языка" /стр.15/. Мне представляется, что Б.Я.Владимирцов, употребляя термин "Наречие", имел в виду подчеркнуть именно их языковую самостоя-

тельность, ср. его слова: "Итак, монгольский языковой мир в настоящее время является в виде нескольких наречий, многих говоров, а общего языка не существует вовсе" /Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929, стр. 19/. Иными словами, в данном случае термин "наречие" употреблен как синоним слова "язык", а не как лингвистический термин в узком смысле, т.е. наречие — группа говоров какого-либо языка. Впрочем, я на своей трактовке не настаиваю.

2/ Разница в составе фонем калмыцкого и русского языков в отношении гласных заключается в 2 фонемах, свойственных только калмыцкому /гласные переднего ряда е, у/, остальные артикуляционно совпадают с 6-ю русскими. Но если учитывать калмыцкие долгие гласные как особые фонемы, их число удваивается. Насколько существенна оппозиция калмыцких недолгих гласных долгим?

3/ При большом числе заимствований из русского языка, учитывая, что при написании и произношении русских заимствований ранее отсутствовавшие в калмыцком согласные не подвергаются субституции, но артикулируются согласно нормам русского произношения, в конечном итоге весь состав русских согласных с их системой оппозиций должен войти в состав калмыцких согласных, который в таком случае будет равен русскому + специфические калмыцкие /н, н'/?

4/ Всегда ли в конструкциях сравнительной степени требуется прибавление специального показателя /суффикса/ у имени прилагательного или оно может употребляться в обычной форме при наличии формы исходного падежа у слова, указывающего, с признаком какого предмета или лица сравнивается другой предмет. Например, в эвенском /ламутском/ языке употребительны конструкции типа: стол стул - дук гуд "стол /от/ стула высокий, вместо /по/ выше.

5/ Не ставится ли в калмыцком языке вопросительное местоимение "кто" при собственных именах животных, названий гор, рек и т.д.

6/ При отсутствии формальных отличий производных качественных прилагательных от существительных какого форма вопросительного местоимения, например, к словом "хороший", "большой" и т.д., т.е. когда речь идет о качестве предметов, а не о самих предметах.

Как показывает характер приведенных выше вопросов, они вызваны интересом, возникающим при чтении монографии И.К.Илишкина у специалиста по смежным, тунгусо-маньчжурским языкам.

Монография И.К.Илишкина — результат его многолетней деятельности в области литературного калмыцкого языка. Вышедшие из печати I-я и II-я части этой монографии являются пособиями по курсу русского и калмыцкого языков на филологическом факультете Калмыцкого государственного университета, педагогического училища, используются преподавателями школ и переводчиками.